

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году). В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году). В. Г. Белинский

Народ не есть отвлеченное понятие: народ есть живая особность, духовная организация, которой разнообразные жизненные отправления служат к единой цели. Народ есть личность, как отдельный человек. Каким образом люди стали народами, частные индивидуальности слились в общие массы и, так сказать, исчезли в них?.. Вот одни из тех вопросов, решение которых не подлежит ни историческим разысканиям, ни исследованиям рассудка, опирающимся на опыте. Спросите человека, как он явился на свет: может ли он вам ответить на этот вопрос? Он существовал еще во чреве своей матери, но не зная о своем существовании; он существовал еще бессмысленным и бессловесным ребенком, но не зная о своем существовании; он даже не помнил своего младенчества, когда уже язык его лепетал несвязные речи, а юная душа принимала уже разнообразные впечатления бытия; он едва-едва помнит себя даже выходящим из младенчества, уже развивающимся своими духовными способностями; его сознательное существование начинается с черты, разграничивающей отрочество и юношество. Вот почему каждый человек всегда начинает свою историю словами: «С тех пор, как я начал себя помнить», и вот почему самая эпоха его сознания еще так неопределенна, представляя собою какой-то утренний полусумрак, и только в периоде юношества делается ясным и светлым утром. Так точно и народ не в состоянии отвечать самому себе на вопрос: откуда он произошел, как он явился? Нам скажут, что людей свели взаимные нужды, заставившие их взаимными уступками, для обоюдной выгоды, ограничить свою свободу и принять свою естественную форму. Прекрасно, но ведь и дитя не бежит от своих родителей, от своего семейства, бессознательно чувствуя свою нужду в них, хотя и отвращаясь лозы и власти их, а между тем оно все-таки не помнит, как это сделалось, что оно стало членом своего семейства, а чрез него и членом своего государства. Другие нам скажут – и это будет еще справедливее, – что исходным пунктом соединения людей в общество было бессознательное влечение человека к человеку, врожденное ему от природы, а взаимная нужда друг в друге только укрепила и довершила это соединение. Прекрасно, но ведь и младенец, прежде нежели он почувствовал нужду в своей матери или няньке, влекся к ним бессознательным чувством, а между тем, ставши полным человеком, он все-таки не помнит, как это сделалось, и даже не помнит черты, разделяющей конец его бессознательности с началом его сознательности. Очевидно, что народ рождается бессознательно, проходит все возрасты человека, то есть сперва бывает зародышем или возможностью, из которой, как растение из семени, организуется младенец, лелеемый матерью-природою, из младенца делается отроком и наконец доживает до того момента своего существования, с которого начинает говорить: «С тех пор, как я начал себя помнить». Вот почему начало, или, лучше сказать, зачатие всех народов решительно ускользает от взоров истории, и все усилия рассудочных мыслителей схватить его остаются тщетными; вот почему в истории каждого народа есть период баснословный и полубаснословный, или доисторический и полуисторический, который так незаметно сливается с историческим, что невозможно уловить черты, разделяющей их. Много было теорий о происхождении политических обществ, особенно много их было у французов, в их «философском» XVIII веке. Эти теории принесли великую пользу, доказав бесполезность и нелепость стремления объяснить опытом не подлежащее опыту, сделать ясным рассудку недоступное для рассудка. Таким же точно образом силились объяснить происхождение языка. Сознав, что слово основано на непреложных законах разума, заключили из этого, что явление слова было результатом сознания его законов, то есть что оно было сочинено, придумано, изобретено, как, например, паровые машины сочинены, придуманы и изобретены вследствие сознания силы паров. Нелепая мысль была распространена до того, что стали хлопотать о сочинении или учреждении универсального языка, в котором были бы все свойства, составляющие особность каждого языка отдельно, и который, поэтому, заменил бы все языки и был бы общим ученым языком. Разумеется, это предприятие кончилось тем же, чем кончилось строение вавилонского столба: не осталось даже и обломков гордого здания, имевшего целью соединить небо с землею. Кроме того, силились найти первобытный человеческий язык и пустили в ход сказку о Псамметихе, прибегнувшем к странному способу для разрешения этого неразрешимого вопроса и допытавшегося через него, что первобытный язык был – фригийский^[1]. Потом основали образование языка из междометий и почитали себя в состоянии ясно, определительно показать весь исторический ход развития языка, как собрания условных знаков для выражения понятий. Остановите ваше внимание на эпитете «условный», и вы поймете причину этого заблуждения! Всякое условие бывает сознательно и есть заранее

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году). В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
предположенное намерение, предположенная цель, наконец, договор. Человек почувствовал необходимость сообщить свои мысли подобным себе: вот и давай условливаться, лошадь называть лошадю, собаку собакою и так далее. Прекрасно; но разве в целом обществе людей только одному предоставлено было право предлагать условия, а всем прочим только принимать их на кланяться, приговаривая: «Так-с, батюшка, так – слушаем-с: это лошадь, а это собака»?.. И как один человек мог согласить многих? а если многие вздумали соглашать многих, то как же они успели согласиться? Кроме того, как бы это ни вышло, через одного или многих, но если эти «условия» не имели причины в самих себе, то есть не основывались на непреложной внутренней необходимости, то они были случайны, а следовательно, и бессмысленны; но мы знаем, что каждый язык, отдельно взятый, основан на непреложных законах и что все языки, несмотря на их различие, основаны на одних и тех же началах, почему человек одного народа и может выучиваться языку другого народа.. Нет, язык был дан человеку как откровение, а не найден им как изобретение. Если человек явился в мире существом разумным, то необходимо и словесным, потому что слово есть разум в явлении{2}. Человек владел словом еще прежде, нежели узнал, что он владеет словом; точно так же дитя говорит правильно, грамматически, еще и не зная грамматики, следовательно, еще не зная, что оно говорит правильно, грамматически. Слово человеческое есть одно из тех явлений действительности, которые в самих себе скрывают причину своего явления, которые органически возникают и развиваются из себя и вне себя не имеют причины и которых рождение есть, поэтому, тайна. Действительность, как явившийся, отелесившийся разум, всегда предшествует сознанию, потому что прежде нежели сознавать, надо иметь предмет для сознания. Вот почему естествознание, или учение о природе, явилось гораздо после самой природы, грамматика после языка, история после пережитой народами жизни. Все что ни есть – есть или являющийся разум (разум в явлении), или сознающий разум (разум в сознании). Дело сознающего разума – сознавать действительность, а не творить ее, и потому разум пишет грамматику, а не сочиняет языка, пишет трактат об организации общества, а не создает общества. Как невозможно сочинить языка, так невозможно и устроить гражданского общества, которое устроится само собою, без сознания и ведома людей, из которых оно слагается. Всякое явление действительности, из самого себя возникшее, рождается и развивается органически; всякое изобретение делается механически. Первое есть вдохновенный порыв духа осуществиться в действительности; второе есть расчет рассудка, основанный на соображении вероятностей. Материалисты XVIII века хотели объяснить происхождение мира механическим сцеплением атомов, механическим процессом взаимодействия тяжести и выходящих из ее математических законов стремлений; но это объяснение только затемнило сущность дела, потому что, отличаясь внешнею ясностью, отличалось внутренним мраком. И как же тут быть свету, а не мраку, когда они в мироздании видели только какие-то блоки, веревки, гвозди и клей, а не горячую кровь и полные электричества нервы, – мертвый скелет, а не живой организм, как выражение движущегося в нем духа жизни?{3} Автомат делается механически, и потому он труп без жизни; организм человека развивается динамически, и потому в нем веет, движется дух жизни. В зародыше, из которого рождается человек, заключен дух жизни, самодеятельно, из самого себя развивающийся в определенные формы во чреве матери, как развивается динамически, то есть собственной самодеятельностью, зерно, положенное в землю, и становится деревом. То и другое требуют для своего развития внешнего вещества – питания, но это внешнее перерабатывают и претворяют в свою собственность, в свои соки, кровь и плоть, и это внешнее опять развивают из себя: так точно происходит и народ. Его духовная организация параллельна телесной организации младенца и дерева, примеры которых мы нарочно привели. Сущность жизни в зерне жизни, а это зерно – божественная идея, из сферы возможности переходящая в сферу действительности, из небытия осуществляющаяся в бытие, по глаголу священного писания: «Бог создал мир сей из ничего»...{4}

Начиная от времен, о которых мы знаем только из истории, до нашего времени не было и нет ни одного народа, составившегося и образовавшегося по взаимному сознательному условию известного числа людей, изъявивших желание войти в его состав, или по мысли одного какого-нибудь хотя бы и гениального человека{5}. Нам, может быть, покажут на Северо-Американские Штаты – на этот народ без имени и названия, на этого сына без отца, потомка без предков, на это политическое общество, как будто искусственно явившееся, механически соединенное из разнородных начал? Мы ответим, что все это только кажется таким для поверхностного взгляда, но совсем не таково на самом деле. Во-первых, Северо-Американские Штаты явились по условию только государством, а не народом; между же государством и народом большая разница: народ может не быть государством, но государство не может не быть народом: народ может сделаться

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году). В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru государством, но государство не может сделаться народом, потому что оно было народом прежде еще, чем сделалось государством. Большая и главная часть народонаселения Северо-Американских Штатов – природные англичане; господствующий язык – английский; направление в религии, политике и гражданском устройстве явно отзывается британизмом. Следовательно, Северо-Американские Штаты не без родни, не без предков, не без отца и матери. Сначала они были английскими колониями, следственно, имели уже готовыми все материалы для государственной жизни: образованный язык с богатою литературою, религию, в высшей степени развитую гражданственность и т. д. Так как из колонистов, в течение времени, образовалось из англичан как бы особое племя, вследствие влияния климата и страны на дух, – племя, отличавшееся от жителей Великобритании, как отличаются романы гениального Купера от романов гениального Скотта, хотя и писанных на одном языке, – то некоторым образом и образовался как бы особый народ, которому уже не мудрено было стать государством. Да и самый процесс перехода народа в государство совершился не механически, не условно, а зарождался, зрел и обнаружился исторически, так что причины его далеко скрываются во времени, и историю Северо-Американских Штатов должно начинать с эпохи религиозно-политической реформы в самой Англии.

Исходный пункт жизни каждого народа скрывается в географических, этнографических, геологических и климатических условиях. Когда человек выходит из своего естественного состояния, он начинает борьбу с природою, покоряет ее себе и даже изменяет могуществом своей разумности; но до тех пор он – ее раб. Мощно действуют на него ее впечатления, и его темперамент имеет кровное сродство с материком, на котором он родился, с небом, под которым он родился; а его характер есть результат его темперамента. Закон родства крови и плоти есть закон самого духа!.. Сначала всякое человеческое общество существует как племя, потом – как народ; немного племен известно истории: состояние человеческого общества как племени есть первый и самый естественный момент его существования, это как будто разветвившиеся отпрыски единого ствола, как будто размножившиеся члены единого семейства, давно потерявшего память о своем прародителе, уже не только родные, но двоюродные, троюродные и так далее, составляющие отдельные круги семейства. Племена не имеют не только законов, даже обычаев, освященных временем, но живут как бы руководимые какшм-то инстинктом. Им нужна пища – и у них есть стрела и лук или сеть для рыб: вот все их потребности и все точки соприкосновения между ими. Но вот племя сталкивается с другим племенем, и, как всякой естественной индивидуальности другая индивидуальность враждебна, между ними начинается кровавая борьба; каждое племя плотнее соединяется, родственнее сжимается, яснее сознает свою индивидуальную особность; рождаются понятия о славе и бесславии, о геройстве и малодушии, о ненависти ко враждебному племени, как священном долге; являются военачальники и некоторая подчиненность. Но этим все и оканчивается, потому что только столкновение с народом или государством может быть причиной развития племени в народ и государство, или чрез подпадение под власть его и исчезновение в нем, или чрез перенятие его идей. И потому у племен власть военачальника бледна, бесцветна и неопределенна, не утверждена и не освящена никакою идеею, не имеет даже силы предания (traditio), не только закона; жречество основано на мистическом страхе непонятого их уму и потому пугающего его, и разве еще на некоторых врожденных человеку слабых и неопределенных идеях о божестве. В таком виде представляются нам все дикие племена Европы, Азии и Африки и, наконец, дикие племена целых частей света – Америки и Океании. Это какие-то инфузории политических обществ, бессильные принять определенную и единственно разумную форму человеческого общества – форму государственную. Что бы ни было причиною этого: низшая в сравнении с нашею организациею изолированность от образованного мира, недавность их происхождения и близость к природе или какие-нибудь чисто внешние, случайные причины, или все это вместе взятое; но только можно с вероятностию заключать, что все из известных нам государств, бывших и ныне находящихся, начали свое существование с состояния племени, состояния, которое, как бессознательное, не могли помнить, а следовательно, и забыть. В Америке испанцы, кроме множества племен, застали два народа – мексиканский и перуанский, из примера которых можно видеть, как общество переходит во второй свой момент – из племени делается народом. У народа уже начинается история, которой нет у племени, хотя эта история еще только предание, из уст в уста, от поколения к поколению переходящее. У народа уже есть зародыши всех форм государственной жизни: утвержденная верховная власть, иерархия чинов, разделение на сословия и пр.: но только все это еще как предание, как обычай, освященный временем, как бессознательно существующий факт, а не как что-нибудь выговоренное, как закон, и утвержденное законною формою. Народ тогда только делается государством, когда законность, освященная временем

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году). В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru и от времени получившая свою силу, приобретает формальность, народная жизнь получает определенные, выговоренные или на письме утвержденные формы, и эти формы переходят в закон. Государство есть высший момент общественной жизни и ее высшая и единая разумная форма. Только ставши членом государства, человек перестает быть рабом природы, но делается ее повелителем, и только, как член государства, является он существом истинно разумным. Племена близки к животным, и потому минута, когда узнает о их существовании государство, есть минута их истребления, порабощения и перерождения в новом и чуждом им духе, в новых и чуждых им формах.

Всякая разумность, чтоб сделаться разумностию, должна явиться сперва как естественность, как непосредственное откровение. Всякая разумность священна, то есть имеет свою мистическую, таинственную сторону, и причина этой таинственности скрывается опять в близости к источнику всего сущего, к божественной идее, первоначально осуществляющейся во всеобщей родовой материи, в сущном (субстанциальном) начале. Какая глубина мысли и какая поэзия в русском выражении «мать сыра земля»! В самом деле, она мать нам, наша родная мать, ибо она есть первоначальная, первосущная форма духа, хранительница всех сил, всей сущности (субстанции) творящей природы! Из ее материнского лона вышел человек, и в ее материнских недрах покоится он на вечность! Точно таково же и родство людей между собою: все люди родня друг другу по духу; но это духовное родство сперва проявляется в них как родство крови и плоти, и духовное родство потому и свято, что выходит из кровно-плотского. Точно так же, потому же самому, и государство есть разумное, а потому и священное явление, что его начало скрывается в естественно-семейственном родстве людей, перешедшем потом в родство племенное, а наконец в народное. Как в отдельных семействах мы замечаем часто сходство черт лица, голоса, манеры говорить и действовать, словом, сходство характера, духа, даже при несходстве направлений, – так и всякий народ отличается единством языка, а следовательно, и характера мысли, взгляда на вещи и способа понимать их (потому что язык есть осуществившееся, явившееся понятие), единством религии, образа правления, родовым сходством в образе внешней жизни, наконец, семейственным сходством физиономии составляющих его индивидуумов, так что трудно не узнать по одному лицу англичанина, француза, немца, итальянца, татарина и т. д. Это сходство, это единство, это родство священны, потому что основание их плоть и кровь, как первосущные (субстанциальные) формы духа. И вот почему космополит есть какое-то ложное, двусмысленное, странное и непонятное явление, какой-то бледный, туманный призрак, а не яркая и живая действительность; вот почему, например, русский, случайно проведенный в Париже свое младенчество и в чуждой его родной сущности (субстанции) стране принявший первые живые впечатления бытия, представляет из себя какого-то амфибия, уродливого и отвратительного, как все амфибии; вот почему человек, для которого *ubi bene ibi patria* [1], есть существо безнравственное и бездушное, недостойное называться священным именем человека; {6} вот почему, наконец, изменник своему отечеству, предатель своей родины, есть злодей, при виде которого содрогается человеческое сердце, от которого с омерзением отвращается человечество и который, если только он не идиот (не в риторическом, а в физиологическом смысле этого слова) скитается по земле, подобно Каину, с печатью проклятия на челе и ненавистию к собственному существованию!.. Если бы общественные узы были не плоть и кровь, а только взаимный договор для общих выгод, тогда в идее государства не было бы ничего священного, и предательство отечества было бы проступком против чести и морали (*Moralitat*), а не преступлением против нравственности (*Sittlichkeit*); променять свое отечество на другое было бы не несчастием, а простым расчетом перемены хорошего на лучшее. Как не можем мы представить себе человека, вдруг и бог весть откуда явившегося полным, возмужалым и разумным человеком, так не можем себе представить и общества, вдруг возникшего по условному договору известного числа индивидуумов. Как священо существо человека, потому что его рождение и развитие есть тайна для него самого, так священо и существование общества, потому что его начало и развитие есть тайна. Чтобы полнее и яснее выразить нашу мысль – укажем на самое важнейшее и самое священнейшее явление общественной жизни.

Спросите какого-нибудь французского говоруна, какого-нибудь либерального аббата-француза: {7} откуда и как произошла царская власть? – и он непременно скажет вам, что это сделалось следующим простым образом: «Когда люди лишились своей естественной невинности, стали злы и развратны, то увидели себя в горькой необходимости выбрать из среды себя человека и вручить ему неограниченную власть над собою». Для поверхностного взгляда абстрактных голов, в глазах которых идеи и явления не заключают в самих себе своей причины и необходимости, но вырастают

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году). В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru как грибы после дождя, но только без почвы и корней, а на воздухе, – для таких голов нет ничего проще и удовлетворительнее такого объяснения; но для людей, духовному ясновидению которых открыта глубина и внутренняя сущность вещей, не может быть ничего нелепее, смешнее и бессмысленнее. Все, что не имеет причины в самом себе и является из какого-то чуждого ему вне, а не изнутри самого себя, – все такое лишено разумности, а следовательно, и характера священности. Коренные государственные постановления священны потому, что они суть основные идеи не какого-нибудь известного народа, но каждого народа, и еще потому, что они, перешедши в явления, ставши фактом, диалектически развивались в историческом движении, так что самые их изменения суть моменты их же собственной идеи. И потому коренные постановления не бывают законом, изреченным от человека, но являются, так сказать, довременны и только выговариваются и сознаются человеком{8}. Равным образом, коренные постановления государства никогда не изменяются в смысле замены одних другими, но изменяются в смысле расширения или ограничения, сообразно с временными требованиями исторической жизни народа. Изменение это всегда чувствуется в государственном теле как сотрясение и часто сопровождается судорожными потрясениями целого его состава, ибо мысль, чтобы осуществиться, должна перейти в дело, в факт, в явление; а всякое явление совершается как бы в плоти и крови. Так, например, реформа, произведенная в жизни России Петром Великим, совершилась в борьбе и потрясениях всего государственного организма, но потому-то она так крепко и утвердилась перешла в закон, и чем больше пролетит столетий от этого события, тем большую законность и священность будет приобретать дело Петра. Мы хотим этим сказать, что сила векового прения и священная таинственность всего, теряющегося в довременности, имеют глубокое значение, и только одни освящают явления, как свидетельство, что эти явления – непосредственное откровение, а не человеческие выдумки. Человеческие уставы могут быть полезны, а не священны: только непосредственно богом явленное священно. Нет власти, которая бы не была от бога, но всякая власть от бога – говорит священное писание{9}, и эти слова заключают в себе глубокую мысль и непреложную истину. Азия есть колыбель человеческого рода – его отечество; в ней начало всех верований, всех человеческих обществ; в ней начало всего довременного, всего непосредственно явившегося. И священное писание, и история, и даже сама современность указывают нам на Азию, как на страну патриархальности. Китай – эта едва ли не первобытнейшая политическая форма общества – и по сию пору есть государство по преимуществу патриархальное. Все мусульманские государства носят в своем основном построении печать древней патриархальности. Аравия и теперь еще представляет собою первобытный тип племен, управляемых патриархами. Священное писание говорит нам о первых патриархах, как царях людей, живших в законе естественном. Что такое был Иаков, переселившийся в Египет, как не отец семейства, до того размножившегося, что маститый старец сделался и отцом и прапрадедом вместе, так что для своих праправнуков, по закону коленного отдаления, казался столько же правителем, царем, сколько родственником и родоначальником? Отсюда ясно, что мистическая и священная идея отца-родоначальника была живым источником истекшей из нее идеи царя{10}. Только бессловесные животные живут без властей; но человек даже в своем естественном состоянии, даже еще не развратившись, не сделавшись злым, признавал власть и жил в разумных формах повелительства и подчиненности, задолго до того, как сознал их значение или их нужду; чувство, вместе с ним родившееся, сказало ему, что отец выше сына и что сын должен повиноваться, следовательно, признать власть отца. Вот почему во всех племенах родоначальничество есть первый момент общественного сознания, а право первородства – самое священное право. Законы человечества везде одни и те же, потому что они законы разума, а разум один, как один бог: американские дикари, по законам вежливости, всякого старшего себя называют «своим отцом», а равного себе по летам «своим братом». Нельзя вывести из опыта, каким образом из отеческой власти явилась царская власть, отец стал царем; но в умозрении это очень понятно. История не может показать картины развития идеи отца в идею царя, история не помнит этого, потому что это явление довременное. Но тем яснее, что кто внушил человеку чувство мистического, религиозного уважения к виновнику дней своих, освятил сан и звание отца, тот освятил сан и звание царя, превознес его главу превыше всех смертных и земную участь его поставил вне зависимости от случайной воли людской, сделав личность его священной и неприкосновенной. Человечество не помнит, когда преклонило оно колени перед царскою властью, потому что эта власть была не его установлением, но установлением Божиим, не в известное и определенное время совершившимся, но от века в божественной мысли пребывавшим. Поэтому царь есть наместник Божий, а царская власть, замыкающая в себе все частные воли, есть прообразование единой державы вечного и довременного разума. Достоинство монарха есть священство, и в таинстве помазания совершается непосредственная передача власти

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году). В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru царю от бога, и «сердце царево в руце божией», и, как говорит Шекспиров Ричард II:

Елей с помазанного короля
Не могут смыть все воды океана!..
Дыхание земных людей не может
С избранного наместника творца
Снять сан его!..

Вот почему, отдавая подданному приказание идти, монарх не оглядывается назад, чтобы удостовериться, исполняется ли его приказание; вот почему его слово – закон, мание руки его – повеление, взгляд очей – гроза или милость. Он творит, «как власть имеющий» [2], и власть его не от него, но свыше. Вот почему, когда слепое своеволие воздвигает бури мятежа, он с бестрепетным, грозным челом является, один и безоружный, и в комнате Шакловитого{11}, и на площади, усыпанной мятежными толпами, которых и самый страх оружия и смерти был бессилен привести к повиновению, – является и, вместо увещаний и просьб, одним словом властительных уст, одним мановением державной руки повергает перед собою во прах сонмище губителей, оцепеневших от одного его появления: ибо он творит, «как власть имеющий»... Превосходно у Шекспира то место в «Ричарде II», где отложившийся от короля герцог Йоркский, увидев Ричарда, посаженного и почти побежденного без надежды на восстание, увидев его восходящим на стену замка, в гордом сознании его царственного величия, возмущается духом в сознании виновной совести и восклицает:

Смотрите! о, смотрите! сам король Ричард,
Как негодующее солнце всходит,
Багровое на огненном востока праге,
Заметив, что завистливые облака
Стремятся потемнить его сиянье
И запятнать собою лучезарный путь
К стране заката. Но он смотрит как король;
Смотрите: очи как орла сверкают
И в них могучее величество горит!
О, боже! их ли горе потемнит!

Какая бесконечная глубина мысли заключена в этом невольном излиянии, в этой насильственной исповеди виновного вассала, так молниеносно и в таких немногих словах выраженной величайшим гением, которого всезрящему оку доступна была сущность мировой жизни, ее основные законы! И сколько глубины, и истины в этом обращении короля к вассалу:

Мы удивляемся: стоять так долго
И ожидать, чтоб в страхе преклонились
Твои колени, потому что мы себя
Твоим законным королем считаем!
И если так: как смеют твои члены
Забывать пред нами подданного долг?
Когда же не король я, – покажи
Нас развенчавшую десницу бога!
Мы знаем, что рука из крови и костей
Не может захватить священный скиптр,
Не святотатствуя и не воруя.
И думаешь ли ты, что все британцы,
Как ты, от нас сердцами отвратились,
Что мы и без друзей и без защиты?..
То знай: господь мой, всемогущий бог
За облаками держит ополченье язвы,
В защиту нам; она убьет детей,
Не вышедших еще на свет от тех,
Кто на главу мою вассала руку
Дерзнет занести и вздумает грозить
Сиянью драгоценного венца!
Скажи же Болингброку [3] (кажется, он там),
Что каждый шаг его на нашей почве –
Опасная измена. Он пришел
Сломать печать на пурпурном завете
Кровавых войн. Но прежде, чем корона,
К которой он стремится, на его челе
Возляжет мирно, десять тысяч раз

Кровавое чело сынов заставит
Лить слезы матерей, обезобразит
Лик Англии цветущей, превратит
Цвет мира девственный и бледный
В багровое негодованье, оросит
Луга Британии ее же кровью! [4]

Президент Северо-Американских Штатов есть особа почтенная, но не священная: как представитель общества по условию самого общества, он есть высший чиновник его, на котором лежит большая против других ответственность и который за то пользуется большим против других жалованьем и почетом, а не царь, который выше суда человеческого и с которым подданные связаны кровными, неразрывными узами духа и нравственного закона. Личность президента есть призрак, действительно одно звание его, и потому тот или другой – все равно. Вследствие этого идея этого государства есть условный символ, без сущности и личности, тогда как в монархиях образ государя есть личность государства, и подданный, служа монарху, служит своему государству. Имя монарха для подданных есть слово мистическое, таинственное, священное: оно заставляет магическою силою заключенной в нем идеи признавать целый народ как единого человека и бесконечное множество индивидуальных особностей сливает во единое тело, в единую живую душу, имеющую в своем акте сознания единое я. Отсюда ясно видно, какое великое значение имеет для венценосцев древность рода и происхождения, теряющаяся в непроницаемости мистического мрака времен и вечности. Царь должен родиться царем, и право рождения есть его первейшее и священнейшее право. Из миллионов людей он один избран богом, и миллионы не могут ревновать его избранию и добровольно преклоняют перед ним колени, как перед существом высшего рода, и охотно повинуются ему, отказывая в таком повиновении равным себе, ибо власть их считают случайною. Это – то, видно, и было причиною падения всех самозванцев и похитителей, хотя многие из них и были люди великого ума, способностей и силы характера. Как снято с самозванца царское имя, которым он осенился как правом, – и будь он гений, окажи народу великие заслуги, но уже нет на нем багряницы, и обнаженный труп его лежит добычею небесных птиц... Другим образом, но тот же конец бывает и для похитителей. Благодаря своему гениальному инстинкту, свойственному всем истинно великим людям, Наполеон глубоко чувствовал эту истину. Раздаватель корон и скипетров, могущественнейший монарх в мире, по свободному признанию целого народа, великий гений, сам создавший себе и трон и свое колоссальное счастье, кажется, имевший полное право гордиться своим нецарским происхождением, он, несмотря на все это, беспокоился и о своей судьбе и о судьбе своего рода; он понимал, что для твердости и действительности его власти недостаточно и его гениальности, и его подвигов, и помазания католическим первосвященником, – и искал, как своего спасения, вступить в брак с женою царского рода. И вот он разводится с женою, которую страстно любил, которую короновал как императрицу, и вступает в новый брачный союз с принцессою древнего царского рода, с дочерью цесарей [12]. Светские мудрецы, люди, которые легко рассуждают о тяжелых предметах, которым достаточно четверти часа, чтобы, с сигарою во рту, пересудить всех и всё и перестроить мир на свой лад, такие люди глубокомысленно объявляют, что Наполеон этим союзом унизил величие своего гения и, увлекшись тщеславием, сделал безрассудный поступок, роковую ошибку, которая и погубила его. Нет! это была мысль гениальная, свойственная только великому человеку, глубоко понимавшему законы разумной действительности, глубоко постигавшему таинственную и сокровенную для обыкновенного зрения сущность вещей. Мысль Наполеона стоит всех его побед и подвигов: он в ней так же велик, как и в них. Не мелкое тщеславие, не суетное желание украсить себя заимствованным блеском и пурпуром чуждой ему багряницы решило его на этот союз, но глубокое сознание, что этот брак набросит на него в глазах царей и народов, современников и потомства тот религиозно таинственный свет, который составляет необходимое условие действительности царственного достоинства. Он понимал, что если у него будет сын, то хотя бы этот сын, наследовав его престол, не наследовал и слабого отблеска его гения, словом, был бы самым обыкновенным человеком, и тогда бы он тверже своего великого отца сидел на оставленном ему троне, он – сын великого отца и венценосной матери. Что он слышал в восторженных кликах своей старой гвардии? – любовь к ее великому полководцу, ее маленькому капралу... Но мог явиться и другой полководец, озарить новым блеском им же прославленных орлов и присвоить себе клики воинственных приветствий. Что он слышал в восторженных кликах народа? – благодарность за оказанные ему услуги, громкий аплодисман за успех, за которым могли раздаваться – как оно и случалось – оскорбительные свистки сбившемуся с роли актеру. Не забудьте изречения Наполеона: «Я продолжитель не королевства Гуго-Капота, но империи Карла Великого» [13]. Видите ли: он призывает себе на помощь не один союз брака с венценосною женою, но и

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 годе). В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru союз истории, союз веков, союз предания, – и на Марсовых полях силится напомнить священное и мистическое прошедшее и связать с ним настоящее... О, господи глубокомысленные политики! Наполеон понимал кое-что не хуже и не меньше вашего, и самые его ошибки и промахи разумнее и поучительнее ваших прекрасных умствований...

Все, сказанное нами, клонится к тому, чтобы показать, что общество или народ не есть отвлеченное понятие, но живая личность, единое тело и единая душа; что оно рождается не случайно, не по человеческому условию и произволу, но по воле божией; что оно не есть только необходимая форма развития человечества и не имеет причины в нужде и в пользе людей, но есть само себе цель, в самой себе носящая свою причину; что оно развивается не механически, но динамически, то есть собственно самодеятельностью жизненной силы, составляющей его сущность, не чрез налипание и сращение извне, но внутренне (имманентно) из самого себя, органически, как дерево из зерна... Доселе мы смотрели на общество, как на нечто единое и целое: теперь взглянем на него, как на единство противоположностей, которых борьба и взаимные отношения составляют его жизнь. Общество состоит из людей, из которых каждый человек принадлежит и себе и обществу, есть индивидуальная и самоцельная особность и член общества, часть целого, принадлежащая не себе, а обществу. Прежде всего, всякий человек есть особность, есть личность, индивидуальность, которая есть исходный пункт всех его действий и необходимое условие его действительности. Как особность, он стремится к своему личному удовлетворению; но лишь только сделает он шаг к этому удовлетворению, как встречает себе препятствие вне себя, где он видит множество существ, подобных ему, так же, как и он, стремящихся к личному удовлетворению. Что полезно ему, то полезно и другому; а как иногда для многих полезно одно, то каждый, стараясь воспользоваться им один, старается лишить его всех других, – борьба личностей и индивидуальных особностей. Далее: что полезно одному, то вредно другому, и этот другой старается не допустить первого, – опять борьба личностей. Это зрелище представляет в себе все творение, которое есть бесконечное многообразие особностей; это зрелище представляют собою бессмысленные животные; но в людях, как существах разумных, это же самое зрелище, имеющее своим основанием сознание своей единичности каждым лицом, есть только исходный пункт жизни, которая есть борьба, но результаты которой представляют новое зрелище. Человек, как особность, естественно видит в других людях, как особностях же, нечто враждебное себе; но в то же время он доходит своим разумом до сознания, что каждая из этих враждебных ему особностей имеет такое же право на личное удовлетворение, как и он, и что, следовательно, если он требует от них уступок и нуждается в их помощи, то и они вправе требовать от него уступок и помощи. Вот закон любви, которая есть чувственный, так сказать, разум, или бессознательная разумность! Из закона любви вытекает закон нравственный, который сознается из столкновения внутреннего (субъективного) мира человека с внешним (объективным) миром. Всякий человек есть сам себе цель, и жизнь дана ему как удовлетворение, как счастье, как блаженство, к которым, следовательно, он имеет полное право стремиться, сообразно с своими личными потребностями, наклонностями и средствами. Внутри себя носит он таинственный и бесконечный мир, полный желаний, порывов, стремлений, страданий и радостей, и только чрез удовлетворение этого своего мира может он достигнуть счастья. Это мир внутренний, мир субъективный человека, сфера, в которой он сам себе цель и, кроме себя и личного своего удовлетворения, имеет право никого и ничего не знать. Субъективная сторона человека истинна и, следовательно, действительна; но всякая односторонняя истина, доведенная до крайности, впадает в нелепость. Субъективность, оставаясь субъективностью, в сфере знания превратится в ограниченность и произвольность понятий, в сфере чувства – в сухой и безнравственный эгоизм, в сфере действия – в преступление и злодейство. Субъект есть личность; но что же такое эта личность, кого выражает и определяет она? Субъективная личность есть выражение и определение духа, а дух бесконечен: следовательно, субъективная личность не должна быть ограниченностью: дух истинен, следовательно, субъективная личность не должна быть эгоистической. А между тем ограниченность есть условие всякой субъективности. В чем же примирение этого противоречия, где выход из него? в столкновении субъективной личности человека с объективным (вне его находящимся) миром. Человек есть частное и случайное по своей личности, но общее и необходимое по духу, выражением которого служит его личность. Отсюда выходит двойственность его положения и его стремлений; его борьба между своим я и тем, что находится вне его я, составляет его не-я. В отношении к его индивидуальной особности мир не-я, мир объективный, есть враждебный ему мир; но в отношении к его духу, как проблеску бесконечного и общего, мир его не-я, мир объективный, есть родной ему мир. Чтоб быть

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году). В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

действительным человеком, а не призраком, он должен быть частным выражением общего, или конечным проявлением бесконечного. Вследствие этого он должен отрешиться от своей субъективной личности, признав ее ложью и призраком, должен смириться перед мировым, общим, признав только его истинною и действительностью. Но как это мировое или общее находится не в нем, а в объективном мире, он должен сродниться, слиться с ним, чтобы после, усвоив объективный мир в свою субъективную собственность, стать снова субъективной личностью, но уже действительною, уже выражающею собою не случайную частность, а общее, мировое, словом, стать духом во плоти. В сфере жизни, в сфере действия столкновение субъективной личности с объективным миром совершается деятельно же, не как житейская опытность, но как разумный опыт жизни. Почва, на которой вырастают благотворные плоды разумного опыта, есть нравственное чувство. Субъект, сознавая свою особность, свою самоцельность и следуя инстинктивному стремлению к личному удовлетворению, чувствует себя на каждом своем шагу и в каждом своем действии как бы связанным какими-то внешними отношениями; он говорит себе: «Я сам себе цель, и хочу жить для жизни, жить для себя»; но внешний мир говорит ему: «Ты не для себя создан, ты мне принадлежишь, каждую твою радость, каждое твое наслаждение ты можешь получить только с моего позволения». С ужасом и ненавистью внимает юный человек этому страшному голосу какого-то призрака, которого он не видит, но которого могучие объятия обхватили его со всех сторон и не позволяют ему ни одного свободного движения. В этом невидимом сторуком исполнине он видит существо совершенно внешнее и враждебное себе; но разумный опыт жизни, ценою страшной борьбы, противоречий, страданий, перемешанных с торжеством победы, примирением и радостями, уверяет его наконец, что этот колоссальный и враждебный ему призрак есть его же родное, его же внутреннее, словом, законы его же собственного разума, его же субъективного духа, но только осуществившиеся во вне его, как явления. В самом деле, он видит, что он есть единичная личность, которая сама себе цель, но он же видит, что у него есть отец, мать, братья, сестры, родственники, друзья, знакомые, наконец, общество, отечество, правительство и что со всеми этими предметами (объектами) его субъективная личность связана не условными узами, но узами крови и плоти, а следовательно, и духа. Он понимает, что если бы они сами захотели отрешиться от него, сделать его свободным от них, он потерял бы всякое значение в собственных глазах, очутился бы в собственных глазах призраком без почвы, на которую уперлась бы его нога, без воздуха, которым освежилась бы грудь его, без имени, которым бы он обозначил себя в немой беседе с самим собою. В духовном развитии человека момент отрицания необходим, потому что кто никогда не ссорился с истиною, у того и мир с нею не очень прочен; но это отрицание должно быть именно только моментом, а не целою жизнью: ссора не может быть целью самой себе, но имеет целью примирение. Всякий духовный процесс совершается с болью и страданием, и столкновение субъективной личности человека с объективным миром сперва необходимо является, как борьба и страдание. Но дорогое и покупается дорогою ценою, и благо тому, кто ценою страдания приобретает истину, которая одна дает блаженство, его же ржа не тлит и тать не похищает^{14}. На горе тем, которые ссорятся с обществом, чтобы никогда не примириться с ним: общество есть высшая действительность, а действительность или требует полного мира с собою, полного признания себя со стороны человека, или сокрушает его под свинцовою тяжестью своей исполинской длани. Кто отторгся от нее без примирения, тот делается призраком, кажущимся ничто, и погибает. Алеко Пушкина поссорился с обществом и думал навсегда избавиться от него, пристав к бродячей толпе детей природы и вольности; но общество и там нашло его и страшно отомстило ему за себя через него же самого. Так как, несмотря на все его мудрствования, оно жило в нем бессознательно и кровно, то он и вздумал, вопреки своим понятиям, наложить на полудиких детей природы то же самые стеснительные условия общественности, против которых сам восставал, и два трупа лежали перед ним, как необходимые результаты его ложного положения в отношении к самому себе, и навсегда унесли с собою в могилу всякую надежду его на счастье и мир души в этой жизни...

Но борьба есть условие жизни: жизнь умирает, когда оканчивается борьба. Субъективный человек в вечной борьбе с объективным миром и, следовательно, с обществом, – но в борьбе не в смысле восстания, а в смысле своего беспрестанного стремления то в ту, то в другую сторону. Объясним это примером. Петр Великий был человек; следовательно, у него был свой субъективный мир, в котором он принадлежал только себе, а не государству: он был супруг, отец, брат, словом – семьянин; он вкушал в недрах своего семейства те же радости, которые вкушал и последний из его подданных. Он имел друзей, как, например, Меньшикова, которого горячо любил. Это его субъективный мир. Но он же не имел почти минуты времени, чтобы забыться в милых, обаятельных радостях семейственности и дружбы:

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник {15}.

Вот его объективный мир. Но и этот объективный мир не был чуждым и внешним ему, не был одним суровым долгом, но был его задушевым, кровным, и, действуя на его поприще, он вкушал блаженство, которому нет пределов и для выражения которого нет слов. Но если это было такое блаженство, которого ему не мог дать субъективный мир, зато и субъективный мир давал ему такое блаженство, которого не мог ему дать объективный мир. Сверх того, субъективные радости даются легче, нежели объективные: эти дома, они всегда с нами, а для достижения тех нужна борьба, усилия, труд в поте чела; нужно иногда на роковую ставку судьбы поставить всё. Притом же действование в объективном мире не может всегда быть только наслаждением, но часто должно быть одним долгом, и минуты блаженства, доставляемые им, редки и бывают большею частью результатом успеха.

Пирует Петр. И горд, и ясен,
И полон славы взор его,
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок поднимает {16}.

Да, это торжество, незнакомое простым смертным: это торжество, известное только богам, царям, героям и народам! Но сколько огорчений, досад, сомнений, мук душевных, тревог и забот предшествовало этому дивному торжеству!.. Чтобы лучше показать двойственность человека в субъективном и объективном мире, напомним Петра в другие две минуты. Вспыхивает стрелецкий бунт, и душа заговора – родная сестра царя-исполина: брат о ней плачет, а царь ее судит и карает...{17} Надежда великого Царя, боявшегося и трепетавшего только одной смерти – смерти своей идеи реформы, – тот, кто мог и продолжить и укрепить или прекратить и изгнать ее, его родной, его единственный сын, восстает на отца и царя, и восстает именно как на преобразователя... Весы суда готовы: на одной стороне естественная любовь родителя, на другой – судьба народа... Народ победил – страшная, величественная и торжественная минута!.. Солнце должно было остановиться в своем вечном, довременном течении, природа притаить дыхание, пульс мировой жизни прерваться, в ожидании страшного решения{18}, чтобы потом забиться новою, удвоенною жизнью, потечь новым, ускоренным течением от чувства торжества... Великий подвиг великого человека! – восклицаете вы в гордом сознании торжества достоинства человеческой природы. Мир объективный победил мир субъективный, общее победило частное! Отчего же так велика эта победа? – оттого, что власть естественного влечения сердца безгранична над волею человека, и, когда торжествует над ним закон нравственный, человек является героем, полубогом, представителем человечества, осуществившим своею личностью все могущество целого человечества; оттого, что права субъективного человека бесконечно сильны над душою и побеждаются только самоотвержением в пользу общего... Итак, у одного человека две жизни, из которых каждая поочередно овладевает им, которые борются между собою, и в этой борьбе его жизнь...

Общество слагается из множества людей, и у каждого из них свой горизонт понятий, своя сфера жизни, свой круг действия, наконец, свой субъективный и свой объективный мир. Один больше частное явление, то есть больше принадлежит себе; другой больше общее явление, то есть больше сливается с интересами объективными, выходящими из сферы его частной жизни; но каждый разделен между собою и обществом, и каждый соединен с обществом, то есть находит себя в обществе. Иной, по ограниченности своей натуры, даже не понимает слова «отечество», но если он вписан в сословие, в цех – у него уже есть свой объективный мир. Вот откуда истекает живое единство общественной организации, которой бесчисленные и разнообразные нервы, проходя взад и вперед и перепутываясь в теле, сходятся в одном пункте и образуют собою орган сознания – единого личного я. Каждый из членов общества имеет свою историю жизни, а общество имеет свою, и еще гораздо последовательнейшую, гораздо полнейшую, разумнейшую и понятнейшую. Как единый человек, оно переходит все моменты развития: начав бытие свое бессознательно и доверменно, вдруг пробуждается для сознания, но для сознания еще естественного, непосредственного; [5] наконец наступает для него эпоха выхода из естественной

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году). В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
непосредственности, оно отрицает родство крови и плоти во имя родства духа, чтобы потом через дух снова признать родство крови и плоти, но уже просветленное духом – светом божественной мысли. Как у единого человека, у него бывают болезни, и фазы болезней, и переход в здоровое состояние. Словом, это живая, единичная личность, огромное тело, с бесчисленным множеством голов, но с единою душою, единым индивидуальным я. И никогда его единство не бывает так поразительно, как в тех грустно или радостно торжественных его положениях, когда или решается вопрос о его жизни и смерти, или общая радость заставляет сильно биться его исполинское сердце. Все в нем усыплено в каком-то дремотном спокойствии, все так обыкновенно и ежедневно: судья ходит в суд, чтоб брать жалованье и жить им, воин исполняет свои обязанности, как долг службы, составляющий условия его обеспечения, купец думает о барышах, словом – все занято собою: кто родится, кто умирает, кто женится, кто разводится, и всякий – Иван да Петр, Сидор да Лука. Но вот буря иноплемennого нашествия пронисится по усыпленному народу и раздражается громом и молнией над его беспечною головою – и нет больше людей: является народ, нет больше личных и частных интересов: все дума об отечестве, пестрые толпы слились в одну общую массу, во главе которой является царь. И те, которые удивляли вас своею мелкостью и пошлостью, оскорбляли бездушием, те часто поражают вас и львиною храбростью, и благородством поступков, и великодушною готовностью принести себя на жертву за общее дело, даже не думая, чтобы их жертва имела какую-нибудь цену. Для того-то и насылается буря, чтобы очищался воздух и орошенная земля чреватела плодородием и давала плод сторицею... Такое зрелище представляла собою Русь на Мамаевском побоище; такое зрелище представляла она в годину междуцарствия, когда умирающее сознание ее я было пробуждено и оживлено голосом келаря Палицына, святителя Гермогена, мясника Минина и деятельным участием князя Пожарского...{19} Отчего видна такая забота на лицах всех и каждого? отчего по одному направлению движутся, от места до места, густые массы народа, отчего, говоря словами поэта,

В погребальный слившись ход,
Вся империя идет?.. {20}

Умер благословенный...{21} Отчего в первопрестольном граде, от заставы до стен священного Кремля, тянутся по обеим сторонам густые толпы бесчисленного народа, едва удерживаемые в порядке двойным рядом солдат, лепятся на помостах, покрывают заборы и кровли домов? Кто создал их сюда? Никто, даже те, которые имеют право сзывать народ, скорее озабочены тем, чтобы число его не было во вред ему самому. Отчего лица всех светлы и радостны, чужды всякой житейской заботы, всякой мысли о себе? отчего глаза всех, с томлением и трепетом ожидания, обращены в одну сторону? отчего вдруг, при царственном гуле колоколов и громе пушек, воздух потрясся от стонущего «ура», как бы выходящего из единой груди и единых уст?.. Новый царь вступает в древнюю Москву для венчания на царство...{22}

Много славных и блестящих мгновений пережила молодая Россия – молодая и юная, несмотря на свою девятивековую жизнь; много перетерплено было ею славных бед, много перепраздновано славных торжеств; но все они помрачатся 1812 годом. И в самый знаменитый 1612 год за нее спорили и жизнь и смерть; но тогда спасение казалось чудом, которому тогда только поверили, когда оно уже совершилось; но в 1812 спор жизни с смертью казался еще страшнее, а в спасении никто не отчаивался, никто не сомневался даже. Беда была торжеством: что же самое торжество?.. Великое влияние имели на Россию нашествие Наполеона и последняя борьба ее с ним: уже не раз опытом блестящих побед и славных торжеств сознавала она свои исполинские силы; но что все эти опыты перед эпохою XII и XIV годов?.. Народная фантазия, в союзе с преданием, создала могучего богатыря, в мифическом образе которого видится образ самого народа и вместе символ его судьбы – Илью Муромца, который, лишенный ног, тридцать лет сидел сиднем, а на тридцать первый погулять пошел. И действительно: добрый молодец расходился и разгулялся... С самой эпохи татарского ига Россия была оторвана от европейского мира и развивалась сама в себе изолированно, формировалась изнутри и извне и крепла в силах своей исполинской корпорации; но в отношении к общему развитию человечества она сидела сиднем, погруженная в дрему непробудную. И вдруг исполин, ростом и силою вровень с нею, поставил ее на ноги, разбудил от вековой дремоты – и она встала и пошла. С самого того мгновения, как царственный младенец начал тешиться в селе Преображенском с своею потешною ротою и потом могучею дланью крепко ухватился за бразды правления, Россия не имела минуты свободной, чтобы вздремнуть, чтобы забыться покоем от ратных и гражданских подвигов, от торжеств победы и славы, от триумфов завоеваний и приобретений. Но что вся эта бодрственная, недреманная, полная трудов и деятельности жизнь перед тою, для которой снова как бы пробудилась она страшным кликом: «Неприятель идет на Москву»? что все прежние ее

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 годе). В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
восстания от сна перед тем, которое совершилось при зареве пылающей Москвы – этой очистительной жертвы за спасение целого народа, этого феникса, вновь возродившегося из своего священного пепла?.. И после того, какой блистательный ряд торжеств!.. Дело шло уже не о новой приобретенной провинции, не о клочке земли, отбитой у врагов и моря для построения города, ни даже о завоевании царства и царств: дело шло сперва о собственном спасении, а потом о спасении всей Европы, следовательно – всего мира. Россия тесно примыкается к истории Европы, знакомится с ее бытом и домашнею жизнью, – и царь русский,

Вождь вождей, царей диктатор,
Наш великий император,
Мира светлая звезда, –
является посредником между царями и народами, Готфредом крестового похода новых веков, изрекает пощадку и милость гордой столице народа, почитающего себя первым народом в мире, и в светлом торжестве и триумфе проходит по столицам спасенной им Европы!.. Явление беспримерное в истории человечества и могшее совершиться только в конце XVIII и начале XIX веков – в это время чудес и гигантов!..

У всякого человека есть своя история, а в истории свои критические моменты: и о человеке можно безошибочно судить, только смотря по тому, как он действовал и каким он является в эти моменты, когда на весах судьбы лежала его и жизнь, и честь, и счастье. И чем выше человек, тем история его грандиознее, критические моменты ужаснее, а выход из них торжественнее и поразительнее. Так и у всякого народа – своя история, а в истории свои критические моменты, по которым можно судить о силе и величии его духа, и, разумеется, чем выше народ, тем грандиознее царственное достоинство его истории, тем поразительнее трагическое величие его критических моментов и выхода из них с честью и славой победы. Дух народа, как и дух частного человека, выказывается вполне только в критические минуты, по которым одним можно безошибочно судить не только о его силе, но и о молодости и свежести его сил. Бородинская битва, самим Наполеоном названная битвою гигантов, была самым торжественным, самым трагическим актом великой драмы XII-го года. Взглянем на нее со слов автора книги, подавшей повод к этой статье, и участника и очевидца в великом деле.

Солдаты наши желали, просили боя. Подходя к Смоленску, они кричали: «Мы видим бороды наших отцов, пора драться!» Узнав о счастливом соединении всех корпусов, они объяснялись по-своему: вытягивая руку и разгибая ладонь с разделенными пальцами – «Прежде мы были так! (то есть корпуса в армии, как пальцы на руке, были разделены) – теперь мы, – говорили они, сжимая пальцы и свертывая ладонь в кулак, – вот так, так пора же (замахиваясь дюжим кулаком), так пора же дать французу раза: вот этак!» – Это сравнение разных эпох нашей армии с распростертою рукою и свернутым кулаком было очень по-русски, по крайней мере очень по-солдатски и весьма у места.

Мудрая воздержанность Барклая де Толли не могла быть оценена в то время. Его война отступательная была собственно – война завлекательная. Но общий голос армии требовал иного. Этот голос, мужественный, громкий, встретился с другим, еще более громким, более возвышенным – с голосом России. Народ видел наши войска стройные, могучие, видел вооружение огромное, государя твердого, готового всем жертвовать за целость, за честь своей империи, видел все это – и втайне чувствовал, что (хотя было все) недоставало еще кого-то – недоставало полководца русского{23}. Зато переезд Кутузова из Санкт-Петербурга к армии походил на какое-то торжественное шествие. Предания того времени передают нам великую поэтическую повесть о беспредельном сочувствии, пробужденном в народе высочайшим назначением Михаила Ларионовича в звание главноначальствующего в армии. Жители городов, оставляя все дела расчета и торгова, выходили на большую дорогу, где мчалась безостановочно почтовая карета, которой все малейшие приметы заранее известны были всякому. Почетнейшие граждане выносили хлеб-соль; духовенство напутствовало предводителя армии молитвами; окольные монастыри высылали к нему на дорогу иноков с иконами и благословениями от святых угодников, а народ, не находя другого средства к выражению своих простых, душевных порывов, прибегал к старому радушному обычаю – отпрягал лошадей и вез карету на себе. Жители деревень, оставляя сельские работы (ибо это была пора косы и серпа), сторожили также под дорогом, чтобы взглянуть, поклониться и в избытке усердия поцеловать горячий след, оставленный колесом путешественника. Самовидцы рассказывали мне, что матери издали бежали с грудными младенцами, становились на колени, и между тем как старцы кланялись седьми головами, они с безотчетным воплем подымали младенцев своих вверх, как будто поручая их защите верховного воеводы! С такою огромною в него верою, окруженный славой прежних походов, прибыл Кутузов к армии

..Накануне дня бородинского главнокомандующий велел пронести ее (икону Смоленской божией матери) по всей линии. Это живо напоминало приготовление к битве Куликовской. Духовенство шло в ризах, кадила дымились, свечи теплились, воздух оглашался пением, и святая икона шествовала. Сама собою, по влечению сердца, стотысячная армия падала на колени и припадала челом к земле, которую готова была упоить до сытости своей кровью. Везде творилось крестное знамение, по местам слышались рыдания. Главнокомандующий, окруженный штабом, встретил икону и поклонился ей до земли. Когда кончилось молебствие, несколько голов поднялось кверху и послышалось: «Орел парит!» Главнокомандующий взглянул, вверх, увидел плавающего в воздухе орла и тотчас обнажил свою седую голову. Ближние к нему закричали «ура!», и этот крик повторился всем: войском.

Орел продолжал плавать; семидесятилетний вождь, принимая доброе предвестие, стоял с обнаженной головою. Это была картина единственная! Михаил Кутузов, главный повелитель всех воинских сил империи, явился тут во всей красе военачальника. В простреленной голове его был ум, прозревавший в течение 70 лет; в его уме была опытность, постигшая все тайны политической жизни гражданских обществ и народов. Над ним парил орел, на нем была икона Казанской божией матери, сто тысяч русских кричало «ура!», а судьба завтрашнего дня укладывала жребий в таинственную урну свою.. (стр. 39 и 40).

Да, это было великое зрелище, это была картина мировой жизни, непосредственно явившая, волею божиею, откровение вечного духа жизни, воочию совершившаяся!.. Тут являлась личность народа, поглотившая в себе все частные личности; все умы были полны одною мыслию, сердца одним чувством и бились в такт, как бы то было сердце одного человека.. Не много подобных минут хранит история на своих заветных страницах, но потому-то и велики и священны такие минуты: их не может произвести и устроить воля человеческая, но они являются сами, как разумная необходимость.. Скажите, какая была нужда целому народу до одного человека – того семидесятилетнего вождя, с седою головою и простреленным глазом? Разве он был тому отец, другому брат, третьему родня дальняя? разве он мог того сделать счастливым, другому дать денег, третьего исцелить от неизлечимой болезни? Нет! эти люди были ему чужды, как и он был чужд им; они были для него – все незнакомые лица, хотя его лицо и было известно им разве только по портретам. Но почему же его лицо распалось на такое множество портретов? почему эти портреты всем известны? Потому что этот человек есть не частное явление, а один из выразителей сущности народной жизни, один из представителей нравственного могущества своего народа, не Михаил и не Ларионович, а просто Кутузов – имя символическое, из собственного сделавшееся нарицательным; потому что он не случайное выражение частной идеи, а необходимо разумное выражение общенародной и человечественно-мировой идеи, высшее явление высшей действительности, сын не случая, но судьбы.. Глубоко замечание автора «Очерков Бородинского сражения», что «нужен был русский полководец, с русским именем»: подвиг Баркляя де Толли велик, участь его трагически печальна и способна возбудить негодование в великом поэте; [6] но мыслитель, благословляя память Баркляя де Толли и благоговей перед его священным подвигом, не может обвинять и его современников, видя в этом явлении разумную и непреложную необходимость.. Отчего же из всех русских генералов только на Кутузове остановились внимание и доверенность царя, бессознательно и как бы инстинктивно подтвержденные упованием и верою народа? Здесь мы понимаем глубокий смысл изречения священного писания: «Глас божий – глас народа» – изречения, которое только и понимается в торжественные минуты народной жизни, когда исчезают люди и является только народ.

Рокот барабанов, резкие звуки труб, музыка, песни и крики несвязные (приветный клич войска Наполеону) слышались у французов. Священное молчание царствовало на нашей линии. Я слышал, как квартиргеры громко сзывали к порции: «Водку привезли: кто хочет, ребята! ступай к чарке!» Никто не шелохнулся. По местам вырывался глубокий вздох и слышались слова: «Спасибо за честь! не к тому изготавились: не такой завтра день!» И с этим многие старики, освещенные догорающими огнями, творили крестное знамение и приговаривали: «Мать пресвятая богородица! помоги постоять нам за землю свою!»

Если бы в книге г. Глинки не было ни одного из тех достоинств, о которых будем еще говорить ниже, то за один этот факт, передаваемый ею во всеобщую известность, она достойна названия народной книги. Никогда явления духа не бывают так мистически поразительны, никогда они не производят в душе такого живого, ясного и трепетно священного созерцания своей таинственной сущности, как открываясь чрез эти массы самого низшего народа, лишенного всякого умственного развития, загробелого от низких нужд и тяжелых работ жизни. Солдаты наши

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году). В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru требовали сражения; мысль, что Москва будет отдана неприятелю, заставляла их громко роптать – их, которые, по своему национальному духу и богом данному им инстинкту истины и здравого рассудка, всегда отличаются беспредельною доверенностию к высшей власти и молчаливым выполнением ее велений. Бородинская битва была дана для них. Скажите: что такое Москва этому грубому солдату, ему, который никогда не видал ее, а только смутно носил, в ограниченном круге своих понятий, какую-то бессвязную мысль о ее сорока сороках церквей, ее Кремле и белокаменных палатах?.. Почему же мысль о занятии ее врагом тяжелее для него всех смертей?.. Не довольно ли было бы ему ограничиться простым и безмолвным выполнением своей обязанности: стать, где велят стать, и умереть, где велят умереть, не желая и не требуя сражения, когда «командиры» не хотят его, и не позываясь, может быть, на верную и неизбежную смерть?.. Вот самое поразительное и самое очевидное доказательство того, что все живет в духе и служит духу и сильно одним духом: и мудрец, глубоко проникший в сокровенные причины вещей, и светский человек, имеющий обо всем легкие понятия, и грубый поселанин, которого ограниченный кругозор понятий не простирается далее низких нужд материальной жизни. Вот самое поразительное и самое очевидное доказательство того, что всякий человек, на какой бы ступени нравственного развития ни стоял он, не есть какая-то особность, сама по себе существующая, но есть живая часть живого целого, которая страдает, когда страдает целое, которая тотчас сознает свое кровное родство с тою общностию, которая есть альфа и омега его бытия, как скоро настанет для нее торжественная минута... Вот, наконец, самое поразительное и самое очевидное доказательство того, что человеческое общество, народ или государство, есть не искусственная машина, механически движущаяся, но живое тело, кровь и плоть, одушевляемые духом. Мы попросили бы кстати мудрых века сего доказать нам, что в мире есть какая-то материальная сила, какой-то человеческий произвол, который рассчитанною хитростию побеждает силу духовную, образованность и гений... Мы попросили бы их кстати объяснить нам, как слепая воля человеческая производит явления, в которых, по нашему мнению, непосредственно является сам бог; как она, собственною силою, творит возможное только богу и насилем производит в грубых массах любовь, вдохновение, самопожертвование, единство целей и стремлений, словом, то, что может производить только дух...

Обратимся собственно к книге Ф. Н. Глинки. Она не есть сочинение ученое ни в военном, ни в историческом смысле и не обогатит ни военного писателя, ни историка новыми фактами. Она даже не имеет достоинства рассказа, в порядке и картинно изложенного. Сперва автор начинает повествовать о бородинском деле по дням (потому что на Бородинском поле дрались 23, 24 и 25 августа), потом отдельно описывает собственно Бородинское сражение, бывшее 26 августа, и, описав его коротко и целом, начинает описывать его же по часам, почему необходимо повторяет одно и то же и несколько сбивает строгого, холодного читателя. Но его книга, не будучи ни военною, ни историческою, может назваться поэтической. Если она не впечатляет в уме вашем полной, художественно оконченной и замкнутой картины Бородинской битвы, зато она покажет вам всю поэзию, всю мистическую таинственную сторону его, даст самое верное понятие о его всемирно-историческом значении; наведет вас на глубокую, возвышенную думу о человечестве, о царях и народах, веках и событиях; вознесет вас в ту превыспреннюю сферу, где вашей головы не кружат ядовитые и смрадные испарения мелкого эгоизма, жалких забот о своей личности и низких нужд жизни; возведет вас на ту высокую гору, с которой исчезает все мелкое и ежедневное, все частное и случайное, но видятся только народы и царства, цари и герои – помазанники и избранники божи, свою судьбою осуществляющие довременные судьбы мира, от века почивавшие в лоне божественной идеи... Из книги Ф. Н. Глинки вы не узнаете Бородинской битвы в стратегическом отношении, но вы узнаете, что с тех пор, как люди начали между собою войну, еще не было такой битвы не на жизнь, а на смерть, где частные сшибки производились массами, которые в прежние и еще недавние времена почитались страшными армиями, где на тесном пространстве гремело непрерывно 1700 орудий, дралось отчаянно 300 000 человек; где умирающие дорезывали оружием, добивали кулаком, догрызали зубами умирающих подле них врагов, где лопались орудия и взрывались зарядные ящики, воздух был – дым и огонь, рукопашный бой и натиск неприятельской кавалерии считались отдыхом за прекращением адского действия неприятельской артиллерии; где без отдыха дрались пятнадцать часов и где, наконец, осталось 29 999 трупов; вы узнаете, что это была битва гомерическая, где каждый действовал как бы от себя, дрался за свое личное дело, за свою личную обиду, где отдельно подвизались и огнедышащий Ней, и лев русской армии – Багратион, и гарцующий Мюрат, и русский Баярд Милорадович{24}, и Коновницыны, и Тучковы, и где Барклай де Толли, сей

...устарелый вождь, как ратник молодой,
Свинца веселый свист слышавший впервой,
Бросался он{25} в огонь, ища желанной смерти, –
Вотще!..

где спокойно, орлиным взором следил за судьбою битвы тот престарелый вождь, на священной седине которого лежало спасение России; где не раз погружался в думу и недоумение сын судьбы, «могучий баловень побед»{26}, и в первый раз оказал несвойственную ему нерешительность и опустил несколько драгоценных мгновений... В книге Ф. Н. Глинки вы найдете живую кистию начертанные портреты героев битвы и мастерски набросанные отдельные ее картины и очерки. В приведенных выше местах из его книги читатели могут судить о поэтической увлекательности и живости его языка; но мы выпишем еще несколько мест, которые дадут еще лучшее понятие о книге не читавшим ее и о характере «битвы гигантов».

...Большой центральный редут был решительно захвачен. Синие и пестрые толпы французов суетились около пушек, но два человека, постигнув всю важность потери и рассуждая, что отнятое центральное укрепление, оставшись долее в руках неприятеля, решит судьбу целого дня и отворит ворота в самом центре линии, положили на мере отнять редут и с ним ключ позиции. Поле далеко было покрыто рассеянными единицами. Два человека, о которых мы сказали, взяли третий батальон Уфимского полка (из корпуса Дохтурова) и повели его к цели. Одного из этих храбрых видел я накануне, на большой батарее при Бородине. Он был еще в цветущих летах, с привлекательными чертами лица; товарищи и подчиненные не могли налюбоваться его храбростию, его великими дарованиями. Глядя на него, так легко было вспомнить о молодом паладине средних веков! Юность, осанка, мужество – все соединялось в живом, бодром воине: это был граф Кутайсов, командир всей артиллерии при Бородине. Другой, в летах более зрелых, осанистый, могучий, с атлетическими формами, с лицом и мужеством львиным, ехал рядом с названным выше воином. И то был генерал Ермолов, тогдашний начальник штаба. Оба в мундирах конной артиллерии. Не успели они двинуться с места, как пример их начал действовать благотворно. Единицы стали быстро соединяться в десятки, сотни, тысячи, и скоро увидели колонну, которая не уступала в длине и плотности знаменитой колонне в битве Фонтенейской. Но эта самосоставная колонна из солдат разных служб, разных полков, разных мундиров не имела никакого единства, никакой правильности. У ней было, однако же, единство цели! Два мужественных вождя, далеко впереди всех, вели эту толпу храбрых. Французы, незаконные владельцы редута, видели приближающую бурю и не дремали на своих трофеях. С фасов редута засверкал ужасный огонь. Великодушная колонна редела, волновалась. Была минута, солдаты задумались, остановились. И тут-то Ермолов употребил средство, о котором рассказ и теперь остается в числе любимых солдатских преданий о незабвенном дне. По обдуманному ли намерению или нечаянно у него, как у начальника штаба, случился запас георгиевских солдатских крестов в мундирном кармане. Воспользовавшись минутою, он вынул горсть крестов, закричал: «Ребята, за нами! кто дойдет, тот возьмет!» и вслед за тем начал кидать кресты далеко впереди себя. Это средство обаятельно подействовало на солдат: они кинулись к крестам и пошли вперед! Генералы подвигались скоро, кресты мелькали, толпа бежала, «ура» гремело. И таким образом, от креста до креста, подошли к самому редуту. Редут зевнул дымом и пламенем, выслал бурю картечь, брызнул косым дождем пуль; ряды пали, другие стеснились и ворвались в укрепление. Из двух предводителей не досчитались одного: граф Кутайсов исчез. Россия и товарищи не могли предать земле с честью его тела, которого не доискались под горами убитых; только верный конь его прибежал к своим. Генерал-майор Ермолов ранен в шею, но продолжал сражаться (стр. 45–48).

...Вот тут-то последовало то важное событие, о котором мы слегка уже говорили. Постигнув намерение маршалов и видя грозное движение французских сил, князь Багратион замыслил важное дело. Приказания отданы, и все левое крыло наше, по всей длине своей, двинулось с места и пошло скорым шагом в штыки. Сошлись!.. У нас нет языка, чтоб описать эту свалку, этот шиб, этот протяжный треск, это последнее борение тысячей! Всякий хватался за чашу роковых весов, чтоб перетянуть их на свою сторону. Но окончательным следствием этого упорного сражения было раздробление! Тысячи расшибились на единицы, и каждая кружилась, действовала, дралась! Это была личная, частная вражда человека с человеком, воина с воином, и русские не уступили на вершок места. Но судьбы вышние склонили чашу весов на сторону французов. Мы вдруг стали терять наших предводителей. После целого ряда генералов, ранен и сам князь Багратион. Видите ли вы здесь, в стороне, у подошвы высоты Семеновской, раненого генерала? Мундир на нем расстегнут, белье и платье в крови, сапог с одной ноги снят; большое красное пятно выше колена обличает место раны. Волосы в беспорядке,

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 годе). В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru обрызганы кровью, лицо, осмугленное порохом, бледно, но спокойно. То князь Петр Иванович Багратион. Его поддерживает, обхватя руками сзади, Преображенский полковник Берхман. Левая рука раненого лежит на плече склонившегося к нему адъютанта, правой жмет он руку отличного, умного начальника 2-й армии, генерала Сен-Приеста, и вместе с последним прощается и отдает свой последний приказ, изнеможенный от усталости и потери крови, князь Багратион еще весь впереди, весь носится перед своими дивизиями. Видите ли, как он, забыв боль и рану, вслушивается в отдаленные перекаты грома? Ему хочется разгадать судьбу сражения, – и судьба сражения становится сомнительною. По линии разнеслась страшная весть о смерти 2-го главнокомандующего, и руки у солдат опустились (стр. 72–73). По этим образчикам читатели могут безошибочно судить о благородной простоте и поэтической живости слога, равно как и о важности книги Ф. Н. Глинки для русской публики. Это книга народная, в полном значении этого слова, потому что, при великой важности содержания, она всем равно доступна. Теперь, когда русские уже не стыдятся, но гордятся быть русскими; теперь, когда знакомство с родною славою и родным духом сделалось общею потребностью и общею страстию, стыдно русскому не иметь книги Ф. Н. Глинки, единственной книги на русском языке, в которой один из величайших фактов отечественной славы рассказан так живо, увлекательно и так общедоступно! Но книга Ф. Н. Глинки, при больших достоинствах, не чужда и некоторых недостатков, которые долгом почитаем заметить, в надежде, что почтенный автор при втором издании своего прекрасного сочинения, издании, которое, вероятно, скоро потребует, не оставит воспользоваться нашими замечаниями, если найдет их справедливыми. В целом его сочинения мы желали бы видеть больше единства и последовательности в изложении события и меньше дробности и разнообразия в манерах и приемах рассказывать. Равным образом, нам очень неприятно, что благородная простота слога автора «Очерков Бородинского сражения» иногда пятнается то изысканными и натянутыми сравнениями, как, например, сшибающихся рядов с разбивающимся стеклом, потом с рабочею храминою химика, сравнениями, которые, нисколько не поясняя сущности дела, только затемняют его; то изысканными и натянутыми выражениями, как, например, приурочить вместо отнести или присоединить и других тому подобных; в одном месте мы даже встретили слово «объективный», совершенно неуместно употребленное и потому не имеющее никакого значения. Но что всего неприятнее и досаднее в «Очерках», это места, выказывающие ложный, рассудочный и внешний мистицизм, который видит таинство не в сущности идеи, а в случайных столкновениях обстоятельств, случайном числе каком-нибудь. Например, прекрасно сравнивая Кутайсова с паладином средних веков, автор подтверждает это сравнение тем, что сражение при Креси происходило 26-го же августа{27}, в которое пал Кутайсов. Потом замечает, что в Бородинском побоище участвовало с обеих сторон шесть Михайлов, как будто Михаил было имя привилегированное и число шесть сколько-нибудь относилось к сущности дела или поясняло его.

Мы сказали, что книга Ф. Н. Глинки есть единственная народная книга о Бородинском сражении, разумея под этим ее чисто литературный характер и нисколько не думая давать ей преимущество перед учеными сочинениями об эпохе XII года генералов Михайловского-Данилевского, Бутурлина и других военных писателей. Чтобы дать полное понятие о характере книги Ф. Н. Глинки, выпишем его прекрасное и поэтическое предисловие, которое может служить самую верную оценкою его сочинения:

Людам XII года.

(Вместо предисловия)

Три десятилетия прошло с того дня, как отгремела битва Бородинская. Грустно перелистывать список лиц и чинов, бывших участников в битве великанов (La bataille des geants): так называл ее Наполеон. Мало осталось людей XII-го года, еще менее людей бородинских! Двадцать семь лет стоят сражения! Сколько храбрых, красовавшихся ранами XII-го года, перешли на ту сторону жизни! И тебя не стало, наш государь XII-го и XIV-го годов, – эпох сожжения Москвы и пощады Парижа! И ты, отслужив верно и праведно своей России 25 лет (урочный срок простого воина) со скипетром и шпагою, и ты отошел к венценосным отцам своим. Мужественный, твердый, ты был неподвижным столпом, на который оперлась уязвленная Россия. Помазание горело на главе твоей, судьбы высшего почивали над нею. И тебя не стало!..

Увлеченная потоком современности, Россия уже забыла о своем XII годе. Мало где говорили о године грустной и славной, почти забыли о Бородине!

Но вот государь наш замыслил дело, достойное времен рыцарских: он желает

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году). В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru воссоздать битву Бородинскую на родном ее поле и обессмертить это поле сооружением памятника, достойного павших и соорудителя. И вот отчего стала оживать память о былом, воскресли разговоры о XII годе. Уже торговля, промышленность и любопытство спешат из столиц в историческое поместье государя-цесаревича, в надежде выгод и зрелища.

Следуя за общим движением, сосредоточил и я в душе моей последний огонь, недогашенный бурями жизни, вспомнил великое былое и взял оставленное перо, чтоб описать битву Бородинскую во всех ее видах, во всех подробностях. Но обстоятельства, от меня не зависящие, не дозволили этого сделать. Я не мог найти достаточных пособий для сравнений и выводов. Итак, видя себя среди двух крайностей, между невозможностью сделать, что бы желал{28}, и желанием сделать что-нибудь, я сделал что мог. Несмотря на совершенный недостаток материалов и краткость времени, старался я вызвать из памяти прошедшее и, подкрепить дело памяти собственными и других лиц «Записками», которые нигде еще напечатаны не были, я составил «Очерки Бородинского сражения».

Люди битвы исполинской! вы знаете, что такое поле Бородинское! – Дым и огонь были воздухом этого поля, где виделось истинное изображение последнего дня!.. Только огнем и кровию, если б можно употребить их вместо красок, может быть написана картина битвы Бородинской. Люди того времени! вам лучше, нежели кому-нибудь, известно, можно ли было уловить пером, даже памятью все переходы этой битвы, где тысячи, обеспамятев от грома и зноя великого, двигались в угаре сражения, с места на место, часто сами не зная куда, по указанию обстоятельств, и обстоятельства не изменялись ли почти ежеминутно?

Итак, простите мне ошибки, невольны и, может быть, во множестве втеснившиеся в мои «Очерки», которые, по слогу простому и общепонятному, желал я сделать доступными всем и каждому.

Люди XII-го года! наводите лучи славы вашей на труд мой слабый, но усердный и, смею сказать, добросовестный. Ваше благосклонное одобрение будет лучшею наградой для меня, малейшего участника в величайшей из битв!

По примеру красноречивого автора поэтических «Очерков» и мы хотим сказать от себя несколько слов нашим читателям. Может быть, многие из них упрекнул нас в том, что в критике «Очерков Бородинского сражения» большее место заняли выводы и рассуждения о народах, нежели взгляд на самую битву Бородинскую, подавшую к ним повод... Всякое явление может быть рассматриваемо с двух сторон – со стороны идеи, выражаемой им, и со стороны самого выражения идеи. Но как основание и сущность всякого явления заключаются в идее, выражаемой им, то самое выражение (факт) не может быть понятно, когда рассматривается само по себе, вне скрывающейся в нем мысли. Критика есть сознание общих законов частного явления, рассматриваемого ею: следовательно, идеи, как первообразы вечных и переходящих законов разума, должны быть ее главным и исключительным предметом, а само явление (факт) должно служить ей только средством для приложения общих законов к частному явлению. Подробности о Бородинской битве читатели найдут в самих «Очерках», следовательно, пересказывать их от лица критика – лишний труд, когда дело идет о книге литературной и общепонятной; а пересказывать их от лица автора – значило бы наполнить статью выписками и, по примеру некоторых критиков, легким образом блистать чужим умом и на чужой счет{29}. Поэтому нам хотелось дать читателям нашу точку зрения на Бородинскую битву, не как на случайное явление, без начала и конца, без причины и следствия, но как на необходимое проявление народной жизни, как на непосредственное осуществление и откровение воли божией, и тем указать на мистическую и таинственную сущность этого великого события, – а этого нельзя было иначе сделать, как отправившись от первоначальной идеи, воспроизводящей и всезидущей из собственной творящей силы. Мы думаем и убеждены, что уже проходит в нашей литературе время безотчетных возгласов с «ахами» и восклицательными знаками и точками для выражения глубоких идей без всякого смысла; что проходит уже время великих истин, с диктаторскою важною изрекаемых и ни на чем не основывающихся, ничем не утверждающихся, кроме личного мнения и произвольных понятий мнимого мыслителя. Публика начинает требовать не мнений, а мысли. Мнение есть произвольное понятие, основанное на поговорке: «Мне так кажется»; какое же дело публике до того, что и как кажется тому или другому господину?.. Притом один и тот же предмет одному кажется так, другому иначе, а большей части обыкновенно вверх ногами. Вопрос не в том, как кажется, а в том – как есть в самом деле, и этот вопрос может решаться не мнением, а мыслию. Мнение опирается на случайном убеждении случайной личности, до которой никому нет дела и которая сама по себе – очень неважная вещь; мысль опирается на самой себе, на собственном внутреннем развитии из самой себя, по законам логики. Давно уже прошло то блаженное время, когда разобрать критически художественное произведение значило разобрать некоторые фразы, или удачно составленные, или погрешающие против языка; теперь безвозвратно проходит и то блаженное время,

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году). В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru когда непризнанный критик, как бы издеваясь над публикою, объявлял, что личные ощущения – высший критерий изящного, и сказав, что то или другое сочинение «принадлежит к лучшим явлениям литературного года», что оно «ему очень понравилось», что он «много прочел в нем с особенным наслаждением», – сказав это в десяти строках, делал десять или двадцать страниц выписок и смело, крупными литерами ставил в заглавии этих выписок громкое слово «критика». Да, безвозвратно проходит уже пора, так сказать, мороченья публики подобными штуками. Достоинство и важность мысли начинают признаваться всеми. Что касается лично до нас, мы так глубоко убеждены, что истина не в людских «мнениях», не в личных убеждениях, а только в мысли, что если бы в опровержение этого указали на наши собственные статьи, мы скорее бы согласились в том, что или те, которым они кажутся недоказательными, не доросли ни до потребности, ни до понимания «мысли», или что, в самом деле, в наших статьях заключаются причины их недоказательности, – чем согласиться в том, чтобы могущество и очевидность истины заключались не в «мысли». Во всяком случае, «Отечественные записки» старались и будут стараться удовлетворить по возможности общей потребности идеи, предоставляя другим угощать публику «своими мнениями», если только публике в самом деле большая нужда знать, каковы мнения у сего или этого господина так называемого критика{30}.

Примечания

Список сокращений

В тексте примечаний приняты следующие сокращения:

Белинский, АН СССР – В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., тт. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

«Белинский и корреспонденты» – В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, 1948.

Белинский. Письма – Белинский. Письма. Редакция и примечания Е. А. Ляцкого, тт. I–III, СПб., 1914.

«Воспоминания» – В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. Гослитиздат, 1962.

ГБЛ – Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

КССБ – В. Г. Белинский. Сочинения, ч. I–XII. М., Изд-во К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1859–1862 (составление и редактирование издания осуществлено Н. Х. Кетчером).

КССБ, Список I, II... – Приложенный к каждой из первых десяти частей список рецензий Белинского, не вошедших в данное изд. «по незначительности своей».

ЛН – «Литературное наследство». М., Изд-во АН СССР.

Панаев – И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1950.

ПССБ – Полн. собр. соч. В. Г. Белинского под редакцией С. А. Венгерова (тт. I–XI) и В. С. Спиридонова (тт. XII–XIII), 1900–1948.

Пушкин – А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. М. – Л., Изд-во АН СССР, 1962–1965.

Станкевич – Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840. М., 1914.

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году). Сочинение Ф. Глинки...

Впервые – «Отечественные записки», 1839, т. VII, № 12, отд. VI «Критика», с. 1–40 (ц. р. 14 декабря; вып. в свет 15 декабря). Без подписи. Вошло в КССБ, ч. III, с. 205–248.

Написано в ноябре 1839 года, после переезда Белинского в Петербург (Панаев, с. 231).

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году). В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru Это первая статья Белинского в отделе критики «Отечественных записок» (до этого он печатался только в отделе «Современная библиографическая хроника»). «Писал с таким увлечением, с такою полнотою, что и сказать нельзя – напишу страницу, да и прочту Панаеву и Языкову», – сообщал критик Боткину в письме от 18–20 февраля 1840 года. Здесь же он признавался, что статья «не вытанцовалась», так как писал ее «к сроку и к спеху, сочиняя и пиша в одно и то же время» (работу необходимо было закончить не позднее 25 ноября 1839 г.), и выражал свое огорчение, что «люд-то божий ей недоволен».

В письме к К. С. Аксакову от 10 января 1840 года Белинский просил: «Уведомь меня подробнее о впечатлении, которое произвела моя статья об «Очерках» Ф. Н. Глинки. Твое известие о неблагоприятности этого впечатления обеспокоило меня».

Действительно, статья об «Очерках Бородинского сражения» Ф. Глинки (равно как и о «Бородинской годовщине» Жуковского) вызвала недовольство в передовых общественных и литературных кругах – см. письма Огарева к Герцену от декабря (около 20) 1839 года («Русская мысль», 1889, № 1, с. 2), Грановского к Н. В. Станкевичу от октября (около 20) и 25 ноября 1839 года и к Я. М. Неверову от 19 июля 1840 года («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, М., 1897, с. 363–365, 403 и др.).

Вторая «бородинская» статья так же полемична, как и первая. Это «последний яростный залп» Белинского по Герцену и его кругу.

Впоследствии Белинский указывал, что его статья об «Очерках...» Глинки «верна в своих основаниях» (признание закономерности исторического развития), но ошибочна по выводам, поскольку в ней «должно было бы развить и идею отрицания, как исторического права» (письмо к Боткину от 10–11 декабря 1840 г.), то есть показать, что такой общественный порядок, как русское самодержавие, таит в себе элементы своего отрицания, что он – временный, переходящий.

В этом же письме к Боткину и в ряде других Белинский беспощадно осудил себя за свои «примирительные» статьи. Герцен вспоминал: «Белинский, как следовало ожидать, опрокинулся со всей язвительностью своей речи, со всей неистощимой энергией на свое прежнее воззрение» (см.: «Былое и думы», ч. IV, гл. 25; см. также: Панаев, с. 245, 292, 300–301).

Сноски

1

где хорошо, там и родина (лат.). – Ред.

2

Евангелие от Матвея, гл. VII, ст. 29.

3

Двоюродный брат Ричарда II, герцог герфордский, впоследствии король английский, Генрих VI.

4

Из ненапечатанного перевода «Ричарда II» А. И. Кронеберга{31}.

5

Здесь слово «непосредственный» употреблено в значении отсутствия посредства мысли в сознании. Младенец или простолюдин может быть добр, не имея ни малейшего понятия ни о добре, ни о зле, – доброта непосредственная, другой может обнаруживать своими действиями и инстинктивно верными заключениями удивительную истинность, никогда не думавши о том, что такое истина, – непосредственное познание истины.

6

«Полководец» – одно из величайших созданий гениального Пушкина, оканчивающееся следующими стихами:

О род людской, достойный слез и смеха,
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик, в грядущем поколенье,
Поэта приведет в восторг и умиленье!

Комментарии

1

Сказка о Псамметихе – легенда, рассказанная в «Истории» Геродота (ч. I, кн. 2 «Евтерпа», § 2). Египетский фараон Псамметих I, желая узнать, какой народ и какой язык являются древнейшими, приказал двух новорожденных младенцев поместить в хижину, изолировав от людей. Их кормил и за ними молча наблюдал в течение двух лет козий пастух. Однажды, когда пастух вошел в хижину, мальчики бросились к нему и закричали: «бекос». Оказалось, что «бекос» – это по-фригийски «хлеб».

2

Справедливо критикуя идеалистические теории происхождения языка, Белинский приблизился к научному решению проблемы: он настаивает на тесной связи языка и мышления, как формы и содержания, на одновременности возникновения мышления и звукового языка.

3

Белинский имеет в виду теории механического материализма, в которых не была выявлена специфика исторических процессов и на явления общественной жизни переносились законы природы.

4

См. Деяния святых Апостолов, 17, 24.

5

Белинский возражает здесь теории «общественного договора» Руссо.

6

Намек на Булгарина, воевавшего во время Отечественной войны 1812 г. на стороне французов. Выражение «ubi bene ibi patria» по отношению к Булгарину было употреблено Пушкиным в памфлетах «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «О мизинце г. Булгарина и о прочем» (1831).

7

Белинский, вероятно, намекает на французского социалиста-утописта XVIII в. аббата Габриеля Мабли, который, будучи сторонником теории «общественного договора», доказывал, что королевская власть была создана для обуздания страстей, дурных наклонностей членов общества («О законодательстве, или Начала законов», кн. I, ч. I).

Здесь Белинский полемизирует с рационализмом французских материалистов XVIII в. и их тезисом «мнения правят миром». Справедливо связав государственное право с исторической жизнью народа, Белинский, однако, заблуждался, признавая священность государственных установлений и бесцельность, неразумность выступлений против них.

9

Послание к Римлянам, 13, 1.

10

Ссылаясь на Священное писание, Белинский стремится доказать не только историческую обусловленность самодержавия, но также священность самой идеи самодержавной, монархической власти. Для этого он и излагает теорию происхождения идеи царской власти от идеи отца-военачальника.

11

Речь идет, вероятно, о событиях 1689 г., когда Софья Алексеевна и ее сторонник Ф. Л. Шакловитый пытались добиться венчания ее на царство.

12

Наполеон был помазан на царство римским папой Пием VII. Женатый на Жозефине Богарне, он развелся с ней и в 1810 г. вступил в брак с дочерью австрийского императора франца I Марией-Луизой. Их сыну был дан титул «короля римлян», и он был провозглашен императором Франции под именем Наполеона II.

13

Приняв, по примеру Карла Великого, впервые во Франции ставшего императором, этот титул, Наполеон хотел подчеркнуть могущество новой монархии по сравнению с королевской династией Капетингов (первым ее представителем был Гуго Капет), к которой принадлежали свергнутые Бурбоны.

14

Евангелие от Матфея, 6, 19.

15

Цитируется стихотворение Пушкина «Стансы» («В надежде славы и добра»); курсив Белинского.

16

Неточная цитата из «Полтавы» Пушкина (песнь третья).

17

Сестра Петра I, Софья Алексеевна, по его приказу была в 1698 г. насильно пострижена в монахини за попытку занять престол при поддержке стрельцов.

18

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 годе). В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
По распоряжению Петра I его сын Алексей, обвиненный в заговоре, был в 1718 г. приговорен к смертной казни, но умер от пыток или, по другой версии, был задушен.

19

Московский патриарх Гермоген призывал в своих грамотах к борьбе против польско-литовских захватчиков, а келарь Троице-Сергиевской лавры Палицын помогал Пожарскому в битвах на улицах Москвы. См. также прим. 8 к статье «Бородинская годовщина». В. Жуковского...».

20

Эта и следующая стихотворные цитаты из «Бородинской годовщины» В. А. Жуковского.

21

Александр I умер 19 ноября 1825 г.

22

Коронация Николая I в Москве произошла 22 августа 1826 г.

23

Курсив Белинского.

24

М. А. Милорадович назван именем Баярда – храброго французского рыцаря, прозванного Рыцарем без страха и упрека.

25

У Пушкина: «ты» (стихотворение «Полководец»).

26

Так назван Наполеон в одноименном стихотворении Пушкина.

27

20 августа 1346 г., во время Столетней войны, англичане одержали крупную победу над французами в районе Креси.

28

Курсив Белинского.

29

Белинский имеет в виду Сенковского, рецензия которого на «Очерки Бородинского сражения» Ф. Н. Глинки («Библиотека для чтения», 1839, т. 36, № 10, отд. VI, с. 34–38) почти целиком состояла из двух пространных цитат из рецензируемой книги.

30

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году). В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

Намек на Н. А. Полевого как критика романтического направления и автора рецензии на «Очерки...» Глинки в «Сыне отечества» (1839, № 8, отд. IV, с. 139–145) и статьи «Летопись русских журналов за 1839 год» (там же, 1839, № 1, отд. IV, с. 51).

31 Здесь и выше цитируется перевод А. И. Кронеберга, который он прислал Белинскому для помещения в «Отечественных записках». Перевод напечатан не был.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!